

На правах рукописи

ПЕТЕШОВА Ольга Викторовна

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
В ТЕКСТАХ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДИАРИСТИКИ**

(на материале дневников немецкоязычных писателей XX века)

10.02.19 – теория языка

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Калининград
2009**

(Admoni 1988). Наиболее полным исследованием языковой специфики диаристики можно считать сравнительный анализ способов манифестации системы основных текстовых категорий в текстах сетевого и классического дневников (Новикова 2005).

Актуальность данного исследования обусловлена его соответствием основным тенденциям современной антропоцентрически ориентированной лингвистики, занимающейся выявлением человеческого фактора в языке и речи. При этом в центре внимания в настоящей работе оказываются механизмы вербализации когнитивной деятельности диариста как творческого субъекта в рамках эгоцентрированного повествования. О несомненной актуальности работы свидетельствует также ее междисциплинарный характер, поскольку она выполнена на стыке лингвистики текста, лингвостилистики, лингвопрагматики, когнитивной лингвистики и литературоведения с привлечением релевантных знаний из области теории дискурса и философии языка.

Научная новизна диссертационного сочинения заключается в том, что в нем впервые устанавливаются структурообразующие параметры языковой картины мира, характерной для текста литературного дневника, и определяются ее сущностные признаки, формирование которых обусловлено принадлежностью носителей данной картины мира к группе профессиональных писателей.

Целью работы является проведение аспектизации языковой картины мира, представленной в текстах литературной диаристики, и осуществление на ее основе систематизации и лингвистического анализа субстанциальных характеристик выявленных аспектов. Достижение указанной цели предполагает решение ряда **задач**, а именно:

- проанализировать научные источники по проблемам языковой картины мира;
- рассмотреть основные положения современной теории дневника;
- охарактеризовать условия процесса порождения текстов литературной диаристики;
- проинтерпретировать систему способов манифестации параметров аксиолого-гносеологического аспекта исследуемой языковой картины мира;
- описать структуру онтологического аспекта языковой картины мира литературного дневника;
- определить характер влияния писательского статуса диариста на формирование и языковую репрезентацию его картины мира.

При решении поставленных задач были реализованы основные принципы системного подхода к языковым явлениям и использованы такие **методы** исследования, как метод контекстуального анализа,

описательный метод, метод лингвостилистической интерпретации текста, метод количественного подсчета и элементы метода дискурсивного анализа.

Теоретическую базу данной работы составили исследования отечественных и зарубежных ученых по теории языковой картины мира (А. А. Буров, Л. И. Гришаева, В. Гумбольдт, Г. В. Колшанский, М. В. Пименова, М. К. Попова, В. И. Постовалова, Р. Х. Хайруллина, L. Weisgerber и др.), основным проблемам когнитивной лингвистики (Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, З. Д. Попова, И. А. Стернин), теории дискурса (В. И. Карасик, В. Е. Чернявская, J. Link), а также монографии и диссертации, посвященные литературоведческому и лингвистическому анализу дневника (О. Г. Егоров, Е. Г. Новикова, В. И. Щербаков, Р. Boerner, M. Buchholz, A. Dusini, R. Görner, A. Gräser, G. Gugulski, M. Heinrich-Korpys, H. Vetter, R. R. Wuthenow и др.).

Материалом исследования послужил 21 дневник немецкоязычных писателей XX века общим объемом около 4350 страниц.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней предлагается методика описания специфики языковой картины мира, которая может быть применена в принципе к любому тексту, что способствует дальнейшему развитию теории когнитивной лингвистики и лингвистики текста. Кроме того, исследование подобного рода вносит определенный вклад в разработку проблемы речевого субъекта, реализующегося в конкретных коммуникативно-прагматических условиях.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в спецкурсах по когнитивной лингвистике, лингвистике текста и теории дискурса, на занятиях по интерпретации текста, а также при подготовке курсовых и дипломных работ студентов.

В ходе проведенной работы нами были сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Формирование языковой картины мира, реализующейся в любом тексте, происходит в процессе взаимодействия ее аксиолого-гносеологического и онтологического аспектов. При этом характеристика аксиолого-гносеологического аспекта подразумевает анализ языковой репрезентации способов познания и оценивания речевым субъектом окружающей действительности, а в рамках онтологического аспекта осуществляется рассмотрение системы вербализованных знаний познающего субъекта как результата когнитивного процесса.

2. В качестве субстанциальных параметров аксиолого-гносеологического аспекта языковой картины мира, представленной в текстах литературной диаристики, выступают переменная

эгоцентрированность, двадресность и неконстантная синхронность фиксации аутентичных событий с моментом их свершения.

3. Эгоцентрированность как параметр аксиолого-гносеологического аспекта языковой картины мира обуславливает экспликацию индивидуально-авторских признаков традиционных концептов через нетипичную сочетаемость имен данных концептов и возникновение новых индивидуальных концептов, репрезентативным средством объективации которых служат слова-сращения. Суть упомянутой вариабельности данного параметра заключается в расширении экстравертивной направленности познавательной деятельности повествующего «Я» в текстах литературной диаристики по сравнению с текстами традиционной диаристики.

4. В связи с двадресностью литературной диаристики в ее текстах одновременно проявляются языковые сигналы как автокоммуникативности, так и адресованности. Они подразделяются на прямые сигналы, в роли которых выступают прежде всего обращения, выполняющие собственно познавательную, регулятивную или экспрессивную функцию, и косвенные сигналы, находящиеся в отношении оппозиции друг к другу: маркеры авторской «искренности» и «неискренности», автокоммуникативные и адресованные комментарии, средства минимизации и интенсификации речевых усилий диариста.

5. Синхронность процесса регистрации в дневниках аутентичных событий с моментом их свершения носит в литературной диаристике неконстантный характер в связи с функционированием в ее текстах отдельных языковых сигналов сознательной синхронизации писателем событий прошлого.

6. В онтологическом аспекте языковой картины мира, реализующейся в текстах литературной диаристики, пересекаются подсистемы полярного знания (ретроспективного / синхронного / проспективного, естественного / литературного, статусного / личностного, ассоциативного знания и метазнания), репрезентированные с помощью гетерогенных языковых средств. При этом широкая представленность литературного знания, при объективации которого язык используется в его эстетической функции, и «лично» окрашенного статусного знания, включающего в себя многочисленные элементы знания о художественном творчестве, являются следствием принадлежности диариста к кругу профессиональных писателей.

Апробация работы. Материалы настоящего исследования обсуждались на международной конференции «Четвертые Пелевинские чтения» (г. Калининград, май 2007 года), на международной конференции «Инновации в науке и образовании – 2007» (г. Калининград, октябрь 2007

года), на межвузовской конференции «Актуальные проблемы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков» (г. Калининград, июль 2008 года) и на международной конференции «Язык и дискурс в статике и динамике» (г. Минск, МГЛУ, ноябрь 2008 года). По теме диссертации опубликовано 9 статей общим объемом 3,65 печатных листа, из них 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации.

Структура и краткое содержание работы. Работа, выполненная на 176 страницах машинописного текста, состоит из введения, трех глав с поглавными выводами, заключения, списка использованной литературы, насчитывающего 206 источников, из них 68 – на иностранном языке, и списка источников примеров, включающего в себя 21 наименование.

Во введении обосновываются актуальность и научная новизна работы, обозначаются ее предмет и объект, определяются теоретическая и практическая значимость проведенного исследования, формулируются его цели и задачи, излагаются основные положения, выносимые на защиту, и сведения об их апробации.

В первой главе «Языковая картина мира в контексте лингвистических исследований» выявляются основные черты феномена языковой картины мира (ЯКМ), трактуемой как совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способов получения и интерпретации новых знаний (Пименова 2002). Подобно непосредственной картине мира, представляющей собой исторически обусловленный целостный образ мира, ЯКМ характеризуется целостностью (Колшанский : 990, Рахилина 2002, Гришаева, Попова 2003 и др.) и субъективностью, которая предполагает языковую объективацию хода деятельности познающего субъекта по интерпретации и оцениванию получаемых знаний о природе и социальной реальности (Голованова 2002, Скаженик 2002, Бартминьский 2005 и др.).

Непосредственная картина мира формируется в сознании познающего субъекта при его прямом контакте с окружающим миром при помощи органов чувств и абстрактного мышления и состоит из концептов как квантов особым образом структурированного знания. В отличие от нее ЯКМ носит однозначно опосредованный характер, поскольку она объединяет лишь те знания о мире, механизмы их получения и ценности, которые находят репрезентацию в человеческом языке (Попова, Стернин 2002).

ЯКМ как один из типов картин мира занимает важное место в системе других типов картин мира (мифологической, художественной, религиозной, научной и философской), опосредуя процесс передачи от субъекта к субъекту различных знаний, полученных в ходе оперирования

теми «символическими формами» (Cassirer 2001), которые используются при образовании всех перечисленных картин мира.

В современной лингвистике ЯКМ, точнее, фрагменты единой глобальной ЯКМ, выделяемые при изменении угла зрения на один и тот же феномен, классифицируются по разнообразным основаниям, например, в зависимости от их темпоральной обусловленности (Weisgerber 1953, Чернышева 1999, Ромащенко 2001) или от языкового уровня, средствами которого объективируются знания о некотором аспекте действительности (ср.: лексическая картина мира (Fleischer 1997, Чанышева 2000), фразеологическая (Тер-Минасова 2000, Хайруллина 2000), морфологическая (Кубрякова 1988, Лукина 2003), синтаксическая (Хайруллина 2000) и интонационная картины мира (Торсуева 1989)). Наиболее распространенными являются типологии ЯКМ, построенные с учетом специфики их носителей. В рамках подобного рода классификаций были вычленены, в частности, ЯКМ различных социальных групп (Mayer 1993, Lehmann 1998, Павлова 2006), национальные ЯКМ, объединяющие представления о действительности, отраженные в языке того или иного народа (Гумбольдт 1984, Zimmer 1988, Колшанский 1990), и индивидуальные ЯКМ, присущие отдельным людям с их неповторимым жизненным опытом (Попова, Стернин 2002).

Подход к классификации ЯКМ с современных текстоцентрических позиций (Буров 2003) дает возможность разграничивать такие их типы, как ЯКМ функционального стиля (Лазебник 1991, Новикова, Черемисина 2003), ЯКМ жанра (ср.: ЯКМ сказки (Гронская 1998), баллады (Воронцова 2003)), ЯКМ дискурса (ср.: ЯКМ ретроспективного дискурса (Бондарева 2004), ЯКМ политического дискурса (Юзефович 2005), фольклорного дискурса (Тубалова 2005)) и ЯКМ текста (Krusche 1999, Вильская 2002). При данном подходе ЯКМ выступает уже не как форма восприятия действительности, что характерно для других выше обозначенных типологий, а как теоретическая модель языковой реализации непосредственной картины мира, позволяющая системно рассматривать особенности закрепления в языке как процесса, так и результата познавательной деятельности речевого субъекта.

Для характеристики ЯКМ любого текста необходимо изучение ее аксиолого-гносеологического и онтологического аспектов, то есть выявление своеобразия вербализации в текстах конкретного типа способов познания и интерпретации мира, а также системы знаний субъекта речевой деятельности.

Во второй главе «Структурные и семантические особенности диаристических текстов» излагаются основные положения современных литературоведческой и лингвистической теорий дневника. Отмечается, что

дневник как форма повествования, ведущегося от первого лица в виде повседневных записей, является популярным объектом литературоведческих исследований. Традиционно он рассматривается как жанр, занимающий промежуточное положение между жанрами художественной и документальной литературы (Andrcotti 2000, Рудзиевская 2002).

Эволюция дневникового жанра начинается в античную эпоху. Смена ее этапов определяется ростом роли человеческой индивидуальности в формировании мировоззренческих установок общества (Buchholz 1983). Об окончательном выделении дневника из единой сферы «литературы автосвидетельств» можно говорить, начиная со времен расцвета пиетизма, проповедующего усиленное внимание к духовной жизни субъекта (Boemer 1969). Становлению диаристики в ее светском понимании способствовал сентиментализм, а постепенной литературизации и популяризации жанра – обилие публикаций дневников в XX веке.

Сегодня жанр дневника изучается в трех основных направлениях: формальном, содержательном и функциональном. Главным выводом литературоведов, проводящих исследования в первых двух направлениях, является констатация факта неограниченной свободы диариста при отборе содержания заметок и при их оформлении. Анализ дневника в функциональном аспекте позволил установить, что функции дневника отличаются большим многообразием, но все они являются производными от общей функции замещения определенного психологического содержания, не нашедшего выхода в других формах самовыражения (Егоров 2003).

Классификация дневников осуществляется в современном литературоведении по нескольким основаниям. На тематическом уровне возможно выделение бытовых, социально-политических, философско-психологических дневников и дневников литературно-художественной жизни (Егоров 1999). По форме своего бытования дневники делятся на классические дневники, дневники в письмах и дневники, встроенные в письма или мемуары (Егоров 2003). В рамках классификации, проводимой в соответствии с особенностями диариста, выделяется несколько относительно автономных типологий, в частности, возрастная (Шибасва 1987), гендерная (Heyden-Rynsch 1997, Вьолле, Гречаная 2002) и психологическая (Егоров 2003).

Самой проблематичной в литературоведении считается классификация дневников по соотношению в них элементов художественного и документального (см.: Just 1966, Vetter 1994, Bluhm 1999, Щербаков 2002, Gugulski 2002 и др.). Мы предлагаем различать по данному основанию традиционные дневники «обыкновенных людей»,

служащие фиксации непосредственных переживаний субъекта, и писательские дневники, которые, в свою очередь, подразделяются на фиктивные дневники, то есть художественные произведения, лишь формально носящие дневниковый характер, и литературную диаристику (ЛД), то есть дневники, обладающие различной степенью аутентичности, характеризующиеся использованием языка преимущественно в эстетической функции и акцентуацией профессионального статуса их авторов.

Что касается лингвистики, то исследования диаристики с данных позиций представляются достаточно немногочисленными и в большинстве случаев ориентированными на выделение отдельных групп дневников, сформированных на базе наличия у них определенных языковых сходств. В результате подобных исследований удалось установить, например, ряд лексико-синтаксических особенностей диаристических текстов, а также выявить специфику преломления в диаристике традиционных текстовых категорий, таких, как связность, членимость, завершенность и т.п. (Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис 1992, Егоров 2003, Новикова 2005).

При анализе дневника как типа текста мы будем опираться на лингвистически релевантное определение традиционной диаристики как совокупности порожденных в процессе автокоммуникации текстов, фиксирующих фрагменты личностно значимых для познающего субъекта знаний, приобретаемых этим субъектом практически одновременно с актом их письменной регистрации.

Для характеристики дневника как типа текста важно выделение следующих параметров процесса его порождения:

- эгоцентрированности, то есть включенности процесса познания и оценивания диаристами предметов и явлений окружающей действительности в процесс их самопознания;
- автокоммуникативности, предполагающей познание диаристом действительности в процессе передачи регистрируемых знаний о мире исключительно самому себе;
- синхронности, под которой понимается почти полное отсутствие временной дистанции между процессом познания и процессом фиксации результатов познания.

Важно подчеркнуть, что, в отличие от текстов традиционной диаристики, тексты ЛД порождаются профессиональными писателями, которые при отборе и регистрации фактов собственной жизни не изменяют своей привычке использовать язык в его эстетической функции, что ведет, как следствие, к неизбежному включению ими языка в круг познаваемых объектов. В подобном контексте можно говорить об определенной

нетождественности параметров процесса порождения традиционных диаристических и литературных диаристических текстов.

В главе 3 «Реализация основных аспектов языковой картины мира в текстах немецкоязычной литературной диаристики» анализируются способы языковой манифестации аксиолого-гносеологического и онтологического аспектов ЯКМ, реализованной в текстах литературных дневников.

Как показали исследования, при порождении текстов ЛД субстанциальные параметры, определяющие формирование аксиолого-гносеологического и онтологического аспектов данной ЯКМ, подвергаются качественной трансформации, вызванной профессиональным статусом познающего субъекта. Суть подобной модификации заключается в следующем: эгоцентрированность в дневниках писателей приобретает переменный характер, автокоммуникативность перерастает в двуадресность, т.е. дополняется открытой адресованностью, а синхронность процесса фиксации событий с моментом их свершения теряет свою стабильность, перемежаясь отдельными элементами интенционально обусловленной синхронизации.

В этой связи необходимо отметить, что переменный характер эгоцентрированности как параметра аксиолого-гносеологического аспекта ЯКМ ЛД подразумевает заметное усиление экстравертивной направленности авторского «Я» по сравнению с текстами традиционного дневника. Причиной этого является то обстоятельство, что даже при полной концентрации на собственной внутренней жизни писатели в силу своего творческого потенциала неизбежно поднимаются с уровня личных проблем на уровень глобальных обобщений, касающихся, например, смысла и содержания художественного творчества, культурного развития современного им общества и т.п.

Факт сужения интровертивной направленности деятельности писателя-диариста подтверждают также и данные количественных подсчетов. В частности, на шести страницах текста дневников Т. Манна «Leiden an Deutschland», содержащих описание политической и духовной ситуации в Германии эпохи расцвета национал-социализма, местоимение *ich*, высокая частотность употребления которого является традиционной для любого эгоцентрированного повествования, фигурирует лишь дважды (см.: Mann 1956: 98 – 103). Аналогичная ситуация наблюдается и в дневнике М. Л. Кашниц, где в отдельных поденных записях, посвященных, например, рассуждениям о сущности войны, указанное местоимение отсутствует вообще.

В целом же эгоцентрированность как неотъемлемый параметр порождения текстов ЛД подразумевает частотность функционирования на

страницах дневников таких маркеров, как:

- интровертированной лексики (*Unzufriedenheit, Willen, nachdenken, erfreulich* и т.п.);

- разнообразных средств субъективной модальности (модальных глаголов и частиц, вводных и вставных предложений, субъективированных конструкций с ядерными компонентами *Gefühl* и *Eindruck*);

- необычных сочетаний имен концептов, объективирующих их индивидуальные признаки. Так, на основе сочетания лексем *Form* и *Färbung* в предложении из дневника Ф. Фюмана "*Sie [Ausdrücke – O.II.] waren... von einer verblüffenden Intelligenz in der Färbung der Form*" (Fühmann 1999: 159) наблюдается включение в интерпретационное поле концепта «форма» как одного из ключевых концептов в картине мира диариста индивидуального признака «наличие окраски»;

- окказиональных именований формирующихся в сознании писателя новых индивидуальных концептов, что осуществляется с помощью следующих приемов:

- а) через введение сочетаний имен содержательно близких концептов с лексемой "*eine Art*" ("*eine Art erstarrter Aufmerksamkeit*") (Jünger 1995: 420)),

- б) посредством уточняющих дефиниций ("*Das Lebensziel heißt: eine Idee gewinnen von dem, was Leben ist*") (Jünger 1995: 318)),

- в) благодаря использованию в качестве наиболее репрезентативного средства слов-сращений, служащих обозначению единственных в своем роде явлений ("*Niemand-weiß-wo-ich-bin-Stimmung*") (Kaschnitz 1974: 88), "*heiter-ironisch-zynisches Spiel*" (Krausser 1998: 20) и т.д.).

Вторым параметром формирования аксиолого-гносеологического аспекта ЯКМ, представленной в текстах ЛД, является двуадресность, подразумевающая, с одной стороны, естественную автокоммуникативность, характерную для любого дневника, и, с другой стороны, неизбежную адресованность вследствие включения в процесс текстопорождения фактора потенциального читателя.

В ходе исследования было установлено, что автокоммуникативность процесса текстопорождения реализуется в текстах ЛД в прямой и косвенной формах.

Элементы прямого автодиалога фигурируют в литературных дневниках в трех основных функциях:

1. познавательная функция. В этом смысле речь идет о включении в автокоммуникативные эпизоды вопросов, обращенных писателем к самому себе и играющих роль непосредственных импульсов к поиску истинного знания, пополняющего картину мира диариста.

Ср.: *"Was ist nur mit mir los? Ich erkenne ziemlich klar, was da ist: ein Egoist..."* (Remarque 1998: 404).

Как очевидно из данного отрывка, писатель не фиксирует в готовом виде истину о собственном эгоизме, а вербализует естественный рефлексивный процесс, итогом которого становится осознание им наличия у себя этой негативной черты.

2. регулятивная функция. В качестве элементов регулятивного автодиалога выступают побудительные предложения, глагольные структуры с частицей *zu*, лексемы с семантикой планирования и глаголы долженствования, которые ориентируют познающего субъекта на совершение некоторой познавательной операции в перспективе. Одним из примеров может послужить следующее самоуказание из дневника Р. Музиля, призывающее писателя к расширению собственных знаний о биографиях К. Штернгейма и А. Деблина: *"Nachsehn, ob der Gesamtweg bei diesen Dichtern kürzer wird"* (Musil 1968: 116).

3. экспрессивная функция. В этом случае мы говорим о факте выражения эмоционального отношения к полученному знанию через элемент прямого автодиалога (как правило, через восклицание или вопрос). Так, вопрос в конце цитируемого ниже фрагмента из дневника австрийской писательницы начала XX века М. фон Эбнер-Эшенбах, посвященного размышлениям о смерти близких ей людей, выражает горечь понесенной ею утраты:

"...Brn. Berta Suttnr gestorben ist. Wen soll ich noch überleben?" (Ebner-Eschenbach 1997: 310).

В свою очередь, косвенными сигналами автокоммуникативности дневниковых заметок являются:

1. невербализация в текстах ЛД тех фактов, которые легко восстанавливаются писателем на основе знания им соответствующего экстралингвистического контекста. Это обстоятельство находит отражение, в частности,

- в общей лексической и синтаксической редуцированности текстов ЛД, являющейся следствием как автокоммуникативности диаристики, так и спонтанности дневникового письма. Используя в дневниках общепринятые (типа *d.h.* или *z.B.*) и контекстуальные сокращения (типа *El.* вместо *Eltern* в высказывании К. Манна *"Verschiedene Geselligkeit: Eltern, El.-Konni, El.-Heinrich..."* (Mann 1989: 107)) и опуская различные части предложений, писатели стремятся минимизировать усилия по фиксации результатов познавательной деятельности. С этой целью употребляются и различные устойчивые модели построения дневниковых фраз, например, «объект : его характеристика» (*"Apollo 8 im Fernsehen: die drei Menschen*

auf der Flugbahn zum Mond” (Frisch 1972: 194)) или «лексема с семантикой говорения (тема разговора)» (“*Kurze Besprechung (Pass)*” (Mann 1989: 20));

- в опущении многих лингвистически необходимых средств логической связи между предложениями или их частями. Так, в дневниках И. Р. Бехера появляются предложения, состоящие только из ключевых существительных, которые по нормам немецкого литературного языка должны быть грамматически связаны между собой:

“*‘Meerkätzchen’ und ‘Alpenveilchen’ – ‘Silberesel’*” (Becher 1951: 142).

Как очевидно, в данном случае автор задает тематику ситуации (он явно пишет о названиях определенных художественных произведений), но не обозначает саму ситуацию, о которой сам он, естественно, осведомлен;

- в несоотнесенности употребляемых дейктических отсылок с конкретными референтами. Например, изолированная в дневнике И. Р. Бехера от остального контекста фраза “*Das war nicht so, dass unsere Beziehung ernsthaft in Frage gestellt wurde, als sie auf einem Tiefpunkt angelangt war*” (Becher 1951: 138) могла бы вызвать полное недоумение у постороннего читателя заметки, хотя для диариста расшифровка данной ситуации не составляет особого труда.

2. вербализация тех сокровенных знаний, которые не подлежат репрезентации в других типах текстов, причем зачастую с четкой акцентуацией этого обстоятельства на языковом уровне с помощью таких маркеров авторской «искренности», как:

- глаголы *nicht verschwiegen, gestehen, offen sagen* или *zugeben*, сама семантика которых настраивает читающего на восприятие последующего признания диариста в чем-то самому себе;

- метатекст, то есть пространные текстовые комментарии по поводу сущности диаристической деятельности;

- высокая частотность интровертированной лексики, служащей именованию негативных эмоций (или отсутствия уместных в описываемой ситуации положительных эмоций), пристрастий и эгоистических намерений писателей.

3. появление на страницах дневников разного рода категоричных утверждений, не нуждающихся в дополнительной аргументации в связи с отсутствием постороннего читателя: “*Und ohne Zweifel steigt eine der Wurzeln der Grammatik auch aus der Mechanik auf*” (Jünger 1995: 63).

Говоря об адресованности как о второй составляющей двуадресности ЛД, выступающей в качестве параметра формирования аксиологическо-гносеологического аспекта ЯКМ ЛД, следует отметить, что она также реализуется в текстах литературных дневников прямо и косвенно.

Маркерами прямой адресованности, являющейся наиболее ярким отличительным признаком ЛД, служат, прежде всего, авторские

обращения к читателю (*"Erinnert euch daran, dass die deutsche Wehrmacht..."* (Rinser 1988: 29)), нередко включающие в себя прямую номинацию адресата (*"Meine Neigung zur... Flucht in die Träume des Alters wird den Lesern dieser Aufzeichnungen nicht entgangen sein"* (Kaschnitz 1974: 228)) и выполняющие, аналогично элементам прямого автодиалога, познавательную, регулятивную или экспрессивную функции.

Маркеры косвенной адресованности являются прямой противоположностью фигурирующим в том же контексте маркерам косвенной автокоммуникативности ЛД. К ним относятся:

- элементы словесного само моделирования диариста. В качестве примера можно привести автономинацию *Trottel* с семантикой негативной оценочности в предложении из дневника Ф. Фюмана *"Und du Trottel zerbrichst dir den Kopf über die Realität der Widersprüche..."* (Fühmann 1999: 21), представляющую собой не попутное выражение действительно негативной авторской самооценки, а элемент своеобразной игры диариста с потенциальным читателем своих записей, изначально четко предназначенных к опубликованию;

- такие маркеры авторской «неискренности», как соответствующий метатекст или аббревиатуры, служащие целям конспирации. В частности, немецкая писательница Л. Ринзер в одной из записей не называет полное имя пришедшей к ней женщины, чтобы не компрометировать ее перед будущими читателями своего дневника, так как ситуация с участием этой женщины отличается особой щекотливостью:

"Frau K., in höchster Aufregung: Stellen Sie sich vor, unser Sohn ist homosexuell" (Rinser 1988: 45);

- адресованные комментарии через традиционные сноски либо через пояснительную скобочную запись. Например, в дневнике К. Марти в скобках объясняется словосочетание *USA a fora*, которое может быть непонятным для потенциального читателя:

"Dagegen wirkten Mauerpinseleien USA a fora (=USA hinaus) hilflos" (Marti 1985: 25).

Распространенной разновидностью адресованных комментариев являются расшифровки авторами дневников индивидуальных сокращений, требующие от диаристов определенной интенсификации речевых усилий. Так, несмотря на то, что сам Г. Крауссер прекрасно знает, что *D'n A* – прозвище его друзей Дирка и Анны, писатель комментирует данное сокращение сразу после его введения (см.: Krausser 1998: 39).

Необходимо подчеркнуть, что комментарии такого рода следует отличать от автокоммуникативно ориентированных пояснений элементов отдельных заметок, сложных для собственного раскодирования писателем, что служит одним из условий выполнения дневником его мнемонической

функции. Так, скобочная помета в пассаже "*Später allein mit Peter (dem Mann der Mildred) weiter*" (Remarque 1998: 324) служит впоследствии различению Э. М. Ремарком событий, в которых фигурировал знакомый ему мужчина по имени Петер, и фактов, связанных с его женой Юттой Замбаной, обычно называемой самим писателем «Петер».

Третьим параметром аксиолого-гносеологического аспекта ЯКМ, реализующейся в текстах ЛД, является неконстантная синхронность фиксации событий с моментом их свершения. В текстах литературных дневников сама синхронность естественно проявляется

1. в частотности лексем с соответствующей темпоральной семантикой (*eben, während, 3/4 2 nachts* и др.);

2. в расстановке более или менее четких дат;

3. в фиксации знаний в хронологической последовательности, то есть практически по мере их поступления. Хронология изложения отражается как на внешнем уровне (в первую очередь, через датировки и отсылки к информации, эксплицированной в один из предшествующих дней, осуществляемые с помощью наречия *wieder*, лексем *gestrig, vorig* и других прилагательных, выступающих в сравнительной степени), так и на внутреннем уровне (прежде всего, через темпоральные наречия, задающие последовательность действий во времени, и через определенным образом сгруппированные указания на конкретное время суток). При этом она может носить субъективный характер, поскольку зачастую в хронологической последовательности вербализуются не события дня, а мысли писателя по их поводу. Наглядной иллюстрацией этого факта можно считать фрагмент из дневника Б. Брехта: "*Nachmittags ist Bi da... Vorher bin ich mit der Rosmarie spaziert*" (Brecht 1976: 27). Лишь темпоральный маркер *vorher* позволяет четко восстановить реальную последовательность событий;

4. в спонтанной регистрации событий по их «горячим следам». Спонтанность записи очевидна в следующих случаях:

- при лексических повторах, не несущих какой-либо стилистической нагрузки и мотивированных единственно забыванием факта предшествующего употребления языковых единиц;

- при добавлении случайно пропущенной информации, важность которой была установлена диаристом сразу же вслед за ее фиксацией (обычно в скобках);

- при сигнализировании внезапного прерывания мыслей (с помощью традиционного многоточия или таких нетипичных для концовки предложения знаков препинания, как запятая, двоеточие или открытая кавычка, после которых отсутствует дальнейший текст, ожидаемый любым читателем заметки);

- при фиксации процесса поиска диаристом нужного ему слова (*"Wieder – oder: noch einmal? – Sommer, aber durchspinnen schon vom Herbst..."* (Marti 1985: 102));

- при различного рода автокоррекциях, то есть практически параллельных исправлениях диаристом ранее спонтанно написанного, в наименьшей степени свойственных письменным формам писательского самовыражения и, напротив, в наибольшей степени сближающих дневниковое письмо с устной разговорной речью. Чаще всего автокоррективное высказывание вводится в дневнике с помощью отрицательной частицы *nein* или ее семантических модификаций *falsch, nicht... sondern, nicht... aber, oder doch*.

Как было установлено, в текстах ЛД традиционная синхронность дневника носит неконстантный характер, поскольку в отдельных случаях авторами осуществляется сознательная синхронизация событий прошлого, продиктованная установкой писателей на соблюдение основных законов построения традиционных дневников, т.е. их стремлением подчеркнуть аутентичный характер собственной диаристики. В качестве убедительного доказательства можно привести тот факт, что в дневнике М. Л. Кашниц достаточно распространены языковые маркеры синхронности событий с моментом их свершения, однако в нем же автор регулярно нумерует заглавия записей о собственных снах и воспоминаниях (см., напр.: Kaschnitz 1957: 53; 60; 87), что в условиях изначальной непредсказуемости процесса сновидений и воспоминаний возможно только при ретроспективном прочтении самим диаристом какой-то части дневника.

Аналогичное явление наблюдается в дневнике Э. Штриттматтера, где на фоне синхронно маркированного пассажа выступает предложение *"An einem anderen Tag sind wir... wieder im Botanischen Garten"* (Strittmatter 1967: 37). Проспективная ориентация обстоятельства времени, с которого начинается данное предложение, показывает, что все предшествующее синхронно маркированное повествование о событиях в Ботаническом саду является результатом ретроспективной деятельности диариста.

Во втором параграфе второй главы подробно анализу подвергается онтологический аспект ЯКМ, представленной в текстах ЛД. Поскольку процесс порождения литературных дневников обладает ярко выраженной интердискурсивной природой, то характеристика онтологического аспекта их ЯКМ, на наш взгляд, предполагает описание особенностей пересечения в текстах ЛД вербализованных элементов взаимосвязанных подсистем знаний диариста о различных сферах действительности. Такие подсистемы могут быть выделены с опорой на систему бинарных оппозиций, которая в целом служит основой для делимитации различных типов дискурса: «ретроспективная /

перспективная направленность коммуникации», «спонтанный / неспонтанный характер коммуникации», «субъективно / объективно обусловленный характер коммуникации» и др. (см.: Бондарева 2007).

Дихотомия «ретроспективная / перспективная направленность коммуникации» дополняется при своей реализации в текстах ЛД промежуточным звеном «синхронная направленность коммуникации», подразумевающим возможность фиксации в диаристике знаний об «абсолютном» настоящем (то есть произошедшем буквально «несколько секунд назад») и, чаще всего, «относительном» настоящем (то есть, по сути, случившемся вчера или в течение уже прошедшего дня).

Следует отметить, что при четком маркировании в текстах дневников всех элементов соответствующих подсистем знания ведущую роль играют не грамматические, а лексические показатели темпоральной ориентации текстовых фрагментов. Так, маркерами «относительного» настоящего являются темпоральные наречия *gestern* и *heute*, сочетающиеся в предложении с глаголами, употребленными в форме как прошедшего, так и настоящего времени. В систему показателей начала вербализации результатов ретроспективной деятельности диариста входят графические маркеры типа заголовков в дневниках М. Фриша (*“Erinnerung an Brecht”*), существительные либо глаголы с семантикой памяти, указания на конкретную дату события или временной интервал между указанным событием и моментом его регистрации на страницах дневника (типа *heute vor 16 Jahren*), наречия неопределенного времени и указания на социальный статус диариста в момент свершения события, из которых может быть выведен его возраст (типа *als Schüler, zu meiner Studienzeit*). Языковыми маркерами перспективы в диаристике являются традиционные формы будущего времени глагола, а также модальные глаголы и автокоммуникативные конструкции с побудительной модальностью, ориентирующие писателя на выполнение той или иной познавательной операции.

К следующей группе знаний, выделенной на основе оппозиции «спонтанный / неспонтанный характер коммуникации» могут быть отнесены естественное знание, приобретаемое в ходе спонтанной когнитивно-коммуникативной деятельности диариста, и литературное знание, при вербализации которого отчетливо распознается писательский статус автора дневника. Процесс манифестации профессионального статуса диариста выражается, во-первых, в широком использовании писателями языка в его эстетической функции. Даже внутри текстовых фрагментов, характеризующихся обилием эллиптических конструкций и различного рода редуций, могут неожиданно появиться красочные высказывания, выдающие привычку профессионального литератора к

образному мышлению. Объективированные в таком контексте образы, вероятно, формируются и фиксируются столь же спонтанно, что и окружающие их «естественные» пассажи. В частности, предложение из дневника К. Марти *“Roßkastanienbäume: des Sonnenkönigs und seines Adels Favoriten, Zierden absolutistischer Gartenkunst”* (Marti 1985: 13) строится по типичной для дневников сокращенной модели «объект : характеристика объекта», однако описание кратко обозначенного писателем объекта – каштановых деревьев – отнюдь не лаконично и отличается высоким уровнем образности и даже патетичностью.

Во-вторых, жизнь зачастую предстает в литературном дневнике как объект литературного творчества, поэтому даже описание повседневных событий писатели-диаристы строят по законам художественной литературы. Так, Р. Музиль дает в своих дневниках заголовки отдельным дням (*“Variete”, “Das gefundene Paradies”, “Grundlagen der literarischen Kritik”*), а Э. Штрिटтматтер каждую запись превращает в короткий рассказ или эссе, посвященное одному ключевому событию, мысли, эмоции или воспоминанию дня.

В-третьих, тексты ЛД становятся подлинной творческой лабораторией писателей, которые включают в свои заметки проекты, описания сюжетов и наброски фрагментов будущих литературных произведений – как прозаических, так и поэтических. Вход в такую творческую лабораторию обычно маркирован через изменение шрифта, заголовки, вводные слова или заключительные комментарии, но даже в условиях отсутствия одного из подобных сигналов перехода от естественного к чисто литературному дискурсу граница между ними легко восстанавливается, в том числе, в результате очевидного исчезновения синтаксических и лексических редуций, типичных для естественного дискурса.

На основании очередной оппозиции – «субъективно / объективно обусловленный характер коммуникации» – мы разграничиваем в онтологическом аспекте ЯКМ, реализующейся в текстах ЛД, подсистемы личностного и статусного знания, причем в силу эгоцентрированности литературных дневников в их текстах преобладают элементы первой подсистемы. Они подразделяются на две группы:

- бытовые, т.е. сопряженные с буднями, естественно-редуцированные (*“Hitze, kühles Gras, Überblick über den Roman völlig verloren. Dem Aussehen nach schönes altes Kinderbuch auf dem Flohmarkt gekauft”* (Krausser 1998: 16));

- бытийные, т.е. философски окрашенные, относительно развернутые (*“Wenn man näher hinsieht, besteht das große Abenteuer... aus Alltag und*

Arbeit, Sonnenbrand und Frostbeulen, Normen und Verbesserungsvorschlägen" (Reimann 1965: 138)).

Роль личностных элементов в ЛД настолько велика, что даже статусное знание, охватывающее разнообразные сферы жизни diarиста (чаще всего – религиозную и политическую), получает в дневниковых заметках особую «личностную» окраску, то есть практически каждый элемент статусного знания, не утрачивая своей статусной направленности, может быть одновременно причислен к группе либо бытовых, либо бытийных знаний.

Анализ статусных элементов с бытовой ориентацией показал, что в данном случае речь идет, по сути, о процитированных без комментария фрагментах текстов статусно-ориентированного типа дискурса, прочитанных diarистами в течение описываемого дня. Факт ознакомления с этими фрагментами удачно вписывается в череду регистрируемых будничных событий. Так, М. фон Эбнер-Эшенбах фиксирует в своих заметках текст официального письма, найденного ею среди старых бумаг (см.: Ebner-Eschenbach 1997: 317).

О бытийном характере статусного знания мы можем говорить, например, тогда, когда приведенный diarистом текстовый пассаж побуждает писателя к размышлениям или позволяет ему проиллюстрировать ранее вербализованные мысли. Типичной иллюстрацией данного положения является встроенный в дневник К. Тухольского отрывок из ежедневной газеты, вызвавший у diarиста гневный автодиалог о социальной несправедливости в мире (см.: Tucholsky 1985: 232 – 233).

Элементы знаний diarиста о художественном творчестве, представленные в онтологическом аспекте его ЯКМ, также можно рассматривать как статусно-ориентированные, поскольку принадлежность diarиста к кругу профессиональных писателей носит статусный характер.

Вполне понятно, что писательская деятельность становится важнейшей составляющей будней diarиста. Главным языковым маркером вступления в сферу бытового писательского знания является глагол *arbeiten*, зачастую употребляемый ведущими дневник речевыми субъектами применительно к процессу создания литературных произведений:

"... Versuche am Sekundanten weiterzuarbeiten..." (Schnitzler 2000: 72).

В большинстве дневников писательская деятельность diarиста может освещаться и с бытийных позиций, что также эксплицируется в тексте. Обычно рассуждения писателя о произведении, над которым он работает параллельно с ведением поденных записей, инициируются типичными для каждого конкретного писателя словосочетаниями. В

дневнике Г. Крауссера, например, такие словосочетания строятся по моделям “Zu + название литературного произведения + двоеточие + бытийный элемент” или “Für + название литературного произведения + двоеточие + бытийный элемент”: “Für Thanatos: Alles ist Wirklichkeit und alles Fiktion...” (Krausser 1998: 27).

Все вербализованные в текстах ЛД подсистемы знания тесно связаны между собой, о чем свидетельствует, в том числе, сочетание в рамках единого предложения языковых маркеров разных типов знания. В частности, в начале ниже приведенного предложения из дневника Ф. Фюмана объективировано бытовое знание, а скобочная запись является языковым репрезентантом бытийного знания: “Am Bahnsteig erscheinen, im Geist in die Hände spuckend, zwei Scheuerfrauen mit riesigen Besen (vielleicht ein Einfall für meinen Prometheus...)” (Fühmann 1999: 6).

На наш взгляд, в целом ряде случаев взаимопроникновение различных подсистем знания диаристов приводит к формированию новых относительно автономных информационных подсистем. К ним относятся подсистема метазнания, то есть знания о самой деятельности диариста и ее результате – дневниковом тексте, которая складывается в ходе так называемого «метадискурса», и подсистема ассоциативного знания, то есть знания, получаемого писателем во сне или при фантазировании. Элементы всех этих подсистем, находящиеся на пересечении подсистем бытового и бытийного знания, могут быть маркированы некоторыми сходными способами: графически, через использование тематических заголовков или частотное введение в текст лексем с соответствующей семантикой.

В заключении работы обобщаются полученные в ходе исследования результаты и намечаются перспективы дальнейших разработок. Констатируется, что распространенное в гуманитарных исследованиях последних десятилетий понятие «ЯКМ» обладает высокой емкостью и позволяет систематизировать особенности языковой репрезентации результатов и характеристик процесса когнитивной деятельности некоторого познающего субъекта. Содержание этого понятия зачастую освещается представителями различных и даже одних и тех же лингвистических течений с разных позиций, что ведет к появлению разветвленной классификации ЯКМ в современной лингвистике и открывает новые возможности для исследовательской деятельности, направленной на раскрытие тайн человеческого сознания.

Принятое нами положение о систематизирующей функции феномена «ЯКМ» и о структурной организованности самой ЯКМ позволило нам осуществить аспектизацию картины мира, релевантную для анализа любого из существующих типов текста. Мы выделяем такие ее аспекты, как аксиолого-гносеологический (объединяющий совокупность способов

10 -

Петешова Ольга Викторовна

**Особенности реализации языковой картины мира
в текстах литературной диаристики
(на материале дневников немецкоязычных писателей XX века)**

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Подписано в печать 11.08.2009 г.
Ризограф. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,5
Уч.-изд. л. 1,3. Тираж 90 экз. Заказ 187**

**Издательство Российского государственного университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14**